

До решающей битвы осталось менее двух дней.

Почти все с интересом следили за происходящим.

Все постоянные дворы в уезде Фунин уже давно были заполнены, так как бесчисленные жители цзянху стекались в этот обычно ничем не примечательный и неизвестный городок. Атмосфера напоминала время перед сражением между Шэнь Цяо и Кунье.

Отличие заключалось в том, что хотя Шэнь Цяо уже тогда пользовался громкой славой, эта слава пришла к нему не благодаря боевым навыкам. Поединок с Кунье привлёк столько внимания, потому что они оба в определённом смысле были окутаны ореолом наследников Ци Фэнгэ и Ху Лугу: общественность искала в них отблески былого величия двух величайших мастеров Поднебесной.

Но предстоящую битву между Янь Уши и Ху Лугу многие рассматривали как столкновение между мирами боевых искусств Центральных равнин и народа Тузцзюэ.

Буддийские, даосские, конфуцианские, прочие малые и большие секты и знатные семьи, услышав новость, скопом ринулись сюда.

Поговаривали, что люди Института Линьчуань забронировали целый постоянный двор, и даже сам глава института, Жюань Кэхуэй, посетил это место, чтобы увидеть битву собственными глазами.

Наставник Фаи секты Тяньтай, заведующий храма Чуньян И Бичэнь, Пурпурный Дворец горы Сюаньду, секта Фацзин, секта Хэхуань, Дворец Люли, секта Бишан, и даже мудрец Цзюйшэ из далёкого Тогона... Все эти люди либо прибыли лично, либо прислали своих учеников, явно не желая пропустить захватывающее и решающее противостояние, которое случается раз в жизни.

Ну до чего же всеобщее зрелище!

И даже более ослепительное, чем бой Шэнь Цяо и Кунье!

Но именно потому, что привлечено внимание всего мира, эта битва сопряжена с огромным риском.

Успех означает стать несравненным под небесами.

Поражение равносильно падению в бездну.

Речь идёт не только о состязании боевых искусств, но и о столкновении репутаций и жизней.

Никто не был настолько наивен, чтобы полагать, что бой между этими двумя мужчинами ограничится дружеским обменом опытом. Важно знать, что в схватке между Ци Фэнгэ и Ху Лугу последний был тяжело ранен и чуть не умер. Это не оставило ему иного выбора, кроме как поклясться, что в течение следующих двадцати лет он не ступит на Центральные равнины. В тот год он отправился в далёкие земли за Великой стеной, чтобы предаться смертельному уединению. Ци Фэнгэ, конечно, тоже не избежал последствий — многие шептались, что, получив серьёзные увечья, он впоследствии страдал от скрытой болезни, которая и стала причиной смерти главы Ци. Естественно, это лишь слухи, которые никем не подтверждены.

Как бы то ни было, для многих слабых и заурядных в боевых искусствах людей цзянху, которые, возможно, никогда не видели вершины мастерства в своей жизни, побывать здесь, даже не поднявшись на крутой и обрывистый Пик Сожалений, а ожидая у подножия в округе уезда Фунин — уже редкая и удачная возможность в жизни.

— Я слышал, что крупнейший игорный дом уезда Фунин, Игорный дом Тунфу, уже принимает ставки на исход поединка главы и Ху Лугу, — домоправитель поместья в почтительной манере изложил ситуацию Янь Уши.

Последние несколько дней Юй Шэнъянь не осмеливался показываться на глаза Янь Уши. Никто не знал, куда он сбежал.

Хотя они живут в пригородном поместье, это не означает, что поток новостей затруднён. Как раз наоборот — домоправитель каждый день отправлял людей в центр, чтобы разузнать о том, какие секты прибыли в город, в каком постоялом дворе они остановились, куда сегодня отправились люди Института Линьчуань и так далее. Всё это доводилось до их сведения в кратчайшие сроки.

Как один из участников поединка, Янь Уши вёл себя гораздо более расслабленно и невозмутимо, чем можно себе представить.

Сейчас он кидал в маленького оленя скорлупки, оставшиеся от расколотых служанкой грецких орехов.

— А-Цяо, сюда.

Оленёнок, как баловень, тёрся и ластился к Шэнь Цяо. Только он наклонился, чтобы попить воды из его чашки, как скорлупа попала ему точно в голову. Впрочем, он не стал суетиться и просто продолжил дружелюбно пить.

Шэнь Цяо, однако, не мог продолжать на это смотреть. Не говоря уже о том, что этот человек назвал оленёнка в его честь с явно плохими намерениями, он также постоянно обижал и дразнил его, хотя малыш был очень послушным и не нарывался на неприятности.

Следующая запущенная скорлупа ореха не долетела до головы оленя, так как была сметена

листом на полпути. Она пролетела мимо уха домоправителя и впилась в столб позади него.

Домоправителя прошиб холодный пот.

— Прости, я тебя не напугал? – с сожалением спросил Шэнь Цяо.

Домоправитель замотал головой из стороны в сторону. Чем он мог заслужить извинений этого человека?

Янь Уши не удержался от смеха.

Шэнь Цяо очень хотелось закатить глаза, но такое дурачество смотрелось бы слишком озорно. Он погладил невежественного оленёнка и сказал про себя: «Дам тебе новое имя, как только появится возможность».

Янь Уши вдруг спросил:

— Какие ставки?

Домоправитель на мгновение растерялся, когда понял, что обратились к нему, но уже вскоре поспешил ответить:

— Один к десяти.

Возможно, Шэнь Цяо раньше и не играл в азартные игры, но он понимал значение этих ставок. Он невольно насторожился:

— На что?

— На победу хозяина.

— А на победу Ху Лугу?

Домоправитель тихо кашлянул.

— Один к двум.

Но Янь Уши не разгневался. Вместо этого он весело заметил:

— А они, похоже, не возлагают особых надежд на мою победу!

Возвращение Ху Лугу на Центральные равнины произвело неизгладимое впечатление: на горе Цинчэн в потрясающем сражении он одержал победу сперва над И Бичэнем, а затем и над Шэнь Цяо. Два великих мастера из первой десятки были сокрушены его руками в мгновение ока — такого боевого подвига вполне достаточно, чтобы заставить людей Поднебесной трепетать.

Янь Уши, с другой стороны, всегда был необычайно внушительным, только вот сейчас его сияние немного померкло перед подавляющим превосходством Ху Лугу.

Более того, Ху Лугу, в конце концов, был одного поколения с Ци Фэнгэ. Когда боевые искусства достигают определённой стадии, возраст уже не создаёт препятствий и не ограничивает физическую силу, а скорее служит доказательством опыта.

Шэнь Цяо сказал безразличным тоном:

— С таким твоим поведением, я бы тоже не возлагал надежд.

— Поведение этого достопочтенного? - Янь Уши приподнял бровь. - Может быть, перед великой битвой я должен не находить себе места от беспокойства, не спать и не есть? Или мне нужно рыдать в три ручья, цепляться за твоё бедро и вопить: «А-Цяо, я не хочу идти»?

Шэнь Цяо молча посмотрел на него.

Янь Уши утешил:

— Я не вижу никаких поводов для волнения, и тебе тоже не стоит волноваться. Я уже доверил Хуаньюэ в твои руки. В худшем случае мой череп получит ещё одну трещину. Мне в любом случае не привыкать.

— Кто знает? - он с весёлым смешком развёл руками. - Вдруг, если он расколется, твой Се Лин сумеет вернуться, и вы опять сможете поворковать друг с другом.

Как человек цзянху с неординарными боевыми навыками, и как тот, кто ранее сражался с Ху Лугу, он, естественно, понимал значение этого боя. Именно из-за этого понимания последние несколько дней он тщательно обдумывал, как помочь Янь Уши и придать ему уверенности в предстоящей битве.

Но существует ли лёгкий путь в области боевых искусств? Пусть Шэнь Цяо и смог преобразовать своё тело, это было достигнуто лишь ценой разрушения его основы. Хотя и говорят, что без ломки старого нет созидания нового, кто же захочет «ломаться» без веской причины? Способность Янь Уши устранить недостаток своего демонического ядра — это

настоящее благословение. Если бы не том «Стратегии Багрового Яна», полученный от Чэнь Гуна, его шансы на победу над Ху Лугу были бы намного меньше.

Мысли не давали Шэнь Цяо покоя и неустанно металась в его голове, прокручивая старые воспоминания. В последние дни, как и сейчас, он стал заметно молчаливее, но даже погруженный в свои думы, он не забывал отбивать очередные скорлупки грецких орехов, брошенных в оленёнка.

— Я тут подумал и вспомнил кое-что из битвы моего учителя с Ху Лугу. Это произошло много лет назад, тогда я был слишком мал и не запомнил все детали отчётливо, так что понадобилось много времени, чтобы припомнить хоть что-то. Возможно, это и не принесёт особой пользы, но лучше знать хотя бы немного, нежели действовать совершенно неподготовленным.

Янь Уши хмыкнул, спокойно ожидая продолжения.

Шэнь Цяо собрался с мыслями и произнёс:

— Как-то раз учитель сказал мне, что Ху Лугу обладает исключительным талантом к боевым искусствам. Он практиковал почти все виды оружия и овладел ими в совершенстве, но в конце концов решил полагаться только на свои голые руки. Дело не только в том, что его собственная сила была настолько превосходной, что оружие больше не имело смысла, но и в том, что он уже включил все виды оружия в каждое своё движение и стойку. Однако и чи бывает короток, а цунь - длинен; ничего в этом мире, кроме небесного дао, не может быть целиком и полностью без изъяна. У Ху Лугу обязательно есть свои недостатки. Двадцать лет назад он потерпел поражение от учителя из-за одного неверного хода и того, что немного уступал ему в внутренней силе. Но на сей раз, если ты противопоставишь свою внутреннюю силу его, эта стратегия провалится. Следует искать его слабость в другом месте.

Договорив, он осознал и добавил:

— Честно говоря, вряд ли эти слова принесут тебе какую-либо пользу. Они скорее просто для осведомления.

Состязание между двумя бойцами вызывает ряд загадочных и глубоких чувств, не поддающихся словесному описанию. Их можно испытать, только присутствуя при этом лично. Даже если бы Шэнь Цяо обладал блестящим красноречием, ему всё равно было бы трудно выразиться ясно. Однако он явно надеялся, что победа достанется его собеседнику, потому и потрудился выудить это из своей памяти.

Янь Уши бросил на него заботливый взгляд.

— Совершенно ясно, что сражаться с Ху Лугу буду я, но именно ты невероятно нервничаешь. Тебе приходится нелегко.

Шэнь Цяо не сразу нашёл с ответом.

— Эта битва — не пустяковое дело, посмотри, сколько людей сейчас находится в уезде Фуниин, и всё станет ясно. Ты единственный, кто до сих пор ни о чем не заботится! Если отбросить твоих учеников, разве ты не заметил, что даже люди в поместье очень напряжены последние пару дней?

— Я же знаю, что ты беспокоишься обо мне больше всех. Зачем втягиваешь в разговор других?
- Янь Уши хохотнул, потянулся и встал. - Так скучно сидеть здесь целыми днями. Пойдём, я свожу тебя поиграть.

Шэнь Цяо чуть наморщил брови, но, видя, что тот уже направляется к выходу, не нашёл другого выбора, кроме как последовать за ним.

Янь Уши повёл его в уездный центр. Не для того, чтобы нанести визит мастерам боевых искусств в постоялом дворе, а чтобы проследовать знакомым маршрутом к зданию игорного дома.

Шэнь Цяо посмотрел вверх.

Игорный дом Тунфу.

В этом месте было шумно и суетно. Оно стало ещё более оживлённым, так как многие люди цзянху заглядывали сюда, чтобы скоротать время за азартными играми перед запланированной битвой. Большинство ставок, естественно, делалось на Ху Лугу или Янь Уши. Они сгрудились так плотно и непроницаемо, что даже вода с трудом просочилась бы сквозь них. Но Янь Уши просто отыскал одного из работников игорного дома и попросил сделать ставку от его имени, а затем потянул Шэнь Цяо в другую часть помещения.

— Эта азартная игра называется «Больше и меньше». Играть в неё проще простого. Есть три кости: если их общее число меньше десяти, то это расценивается как «меньше», а если больше десяти, то как «больше», - коротко объяснил он и не мог не улыбнуться от недоуменного вида Шэнь Цяо.

Для последнего этот мир совершенно чужд. Повсюду слышалось много криков и воплей, от тех, кто громко ликовал из-за победы, до тех, кто кричал из-за поражения. В своём даосском халате Шэнь Цяо явно не вписывался в это место, и его внешность привлекала внимание. Если бы не тот факт, что большинство людей, входящих и выходящих из игорного дома, не были причастны к миру цзянху, кто-нибудь уже давно узнал бы его.

Не стоит и говорить, что от внушительной ауры Янь Уши вблизи него просто перехватывало дыхание. Не было никого, кто осмелился бы взглянуть в его сторону дважды.

Выигрыш или проигрыш здесь определяется не боевым искусством, а удачей. Невесть сколько людей просадили тут целые состояния и промотали всё своё имущество. Год за годом игорный дом продолжает процветать, его посещают самые разные группы людей.

В разгар этой суматохи даочжан Шэнь, выражение лица коего не изменилось бы, упали перед ним Тайшань, растерялся и не знал, куда себя девать.

Янь Уши, вероятно, счёл замешательство Шэнь Цяо невероятно прелестным и почувствовал, что не зря привёл его сюда. Он увлёк его за собой, посмеиваясь:

— Ци Фэнгэ наверняка никогда не приводил тебя в игорные дома?

Шэнь Цяо нахмурился; подтекст был очевиден: как мог учитель привести его в такое место?

Янь Уши потащил его к игровому столу и заговорил тем же тоном, каким уговаривают детей:

— Это очень весело. Взгляни, люди погружены с головой даже в такую простую игру, как «Больше и меньше», боясь упустить любую деталь.

Шэнь Цяо обвёл взглядом лица окружающих его людей. Каждый из них и впрямь выглядел крайне возбуждённо. Их глаза были полностью прикованы к фарфоровой чашке в руке распорядителя.

Когда чашка поднялась и стал известен результат, все лица моментально переменялись. Прежнее напряжение тут же рассеялось; одни были вне себя от радости, другие — в унынии.

Но Шэнь Цяо не понимал их волнений. Он — фигура, забредшая в это место по воле случая, слишком отстранённая, чтобы сопереживать.

Янь Уши вложил в руки Шэнь Цяо деревянные фишки, на которые обменял десять таэлей. Такой суммы обычной семье хватило бы на год жизни, и даже в этом месте это считалось большой ставкой. Но секта Хуаньюэ была непомерно богата, поэтому, естественно, он нисколько не колебался.

— Ты тоже попробуй.

— Делайте ставки, делайте ставки! — выкрикнул распорядитель, встряхивая фарфоровую чашку и ставя её вверх дном на стол.

Шэнь Цяо на мгновение замешкался, а затем с тихим щелчком молча поместил фишки на место, где было написано слово «меньше».

Движение было столь элегантно, что распорядитель, несмотря на всю свою загруженность, поднял голову и взглянул на красивого молодого даоса с мечом на спине. Про себя он сказал, что этот человек просто не мог прийти сюда сеять хаос.

Чашка поднялась. Выпало «меньше».

Это стол со ставкой один к одному. С выигрышем Шэнь Цяо удвоил количество своих деревянных фишек, а значит, на счету у него теперь было двадцать таэлей.

Начался второй раунд, пришло время сделать новую ставку. В этот раз он поставил на «больше».

Результат был оглашен, и он действительно оказался «больше».

Так он угадывал несколько раз подряд. Игроки поблизости начали внимательно наблюдать за ним, думая: «В наши дни даже даосские монахи любят играть в азартные игры». Но это не мешало им играть вместе с Шэнь Цяо.

Распорядитель запаниковал и тайно доложил обо всём хозяину. Хозяин, выйдя со своими людьми, с одного взгляда понял, что нарушитель спокойствия — человек цзянху, и обижать его не стоит. Он поспешил преподнести солидный подарок и весьма почтительно попросил обоих мужчин удалиться. Напоследок он также рассказал им, что в уездном центре есть другой довольно крупный игорный дом под названием «Игорный дом Сыфан».

Стоило им выйти, как Янь Уши зашёлся от смеха. Он смеялся так сильно, что в итоге вцепился в плечо Шэнь Цяо и низко согнулся.

— ...Прекрати смеяться.

От хохота Янь Уши был на грани слез.

— Меня впервые прогнали из игорного дома, и всё благодаря тебе! Ты что, использовал внутреннюю силу, чтобы слушать кости?

— ...Я же не знал, что в игорном доме этот приём запрещён, - в его словах сквозила капля неосознанной обиды.

— Таковы правила, - кивнул Янь Уши. - Даже если бы пришёл Ци Фэнгэ, ему бы не позволили использовать внутреннюю силу. В противном случае в мире не осталось бы игорного дома, который впустил бы его.

Шэнь Цяо почувствовал облегчение и сказал с улыбкой:

— Всё равно я бы не пришёл в это место, если бы ты не притащил меня с собой, — он посмотрел на тяжёлый денежный мешок в руке Янь Уши и поинтересовался. — Ты много выиграл? Без внутренней силы?

— У этого игорного дома хорошая репутация, их распорядитель не жульничает. Каждый полагается только на удачу, так гораздо веселее. Разве не было бы невероятно скучно подслушивать кости и знать результаты заранее?

Хотя Шэнь Цяо не понравилось играть в такие игры, он понимал принцип, лежащий в основе слов Янь Уши.

— Всё становится более волнительным и интересным, когда есть интрига, — подтвердил он.

Янь Уши несколько раз играючи подбросил мешок с деньгами. В следующее мгновение он с идеальной точностью швырнул его в разбитую чашу нищего у обочины дороги. Нищий, не ожидавший получить упавшее с небес богатство, застыл в оцепенении.

— Верно. Вся жизнь — игра. Перерождение — игра. Одни рождаются в роскоши и не беспокоятся о еде и одежде, другие вынуждены прозябать в нищете. Брак — это тоже игра: будет ли гармония между супругами и мир в доме. Будь то обычная семья простолюдина, зажиточная и расточительная семья или даже семья Владыки Поднебесной — чем не игра?

Шэнь Цяо задумался о своей ситуации. Если бы Ци Фэнгэ не взял его в ученики, то даже с врождённым талантом, в этом бурном и беспокойном мире, он, вероятно, давно бы закончил свою жизнь неприкаянным духом.

Хотя другой человек в качестве метафоры использовал азартные игры, нельзя сказать, что это было неправильно — сходство действительно есть.

Шэнь Цяо покачал головой.

— Янь Уши, ты игрок до мозга костей.

Ради развлечения он готов поставить на кон свою жизнь. В мире, пожалуй, нет более безумного азартного игрока.

— А-Цяо тот, кто хорошо меня понимает, — улыбнулся он. — Зачем мне участвовать в поединке, исход которого предрешён? Только неопределённость победы делает его интересным. Без такой интриги жизнь была бы ужасно скучной!

Уголки рта Шэнь Цяо невольно растянулись в улыбке. «Таких необузданных и своевольных людей, как ты, очень мало».

— Пойдём. Раз я выиграл немного денег, то угощу тебя едой.

Шэнь Цяо напомнил:

— ...Ты только что отдал свой выигрыш нищему.

— Выиграть деньги — это счастье, а счастье — это угостить тебя едой. Какое отношение это имеет к выигрышу?

Проще говоря, я счастлив.

Шэнь Цяо безмолвно поволокли прочь.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287423>